

Новая Польша 6/2009

0: МЫ СПРАВИМСЯ!

Кризис — как пожар в лесу, который всё выжигает до самой земли, но он же ее удобряет и создает прекрасную почву для роста новых деревьев. Кризис — лучшая возможность для молодежи выйти на рынок, занять место, освободившееся от старых, обанкротившихся фирм. В период кризиса возникали крупнейшие фирмы в США, такие как «Майкрософт» или «Хьюлетт-Паккард». «Кризис — ваш великий шанс, не упустите его!» — призывал в январе молодых слушателей на международном конгрессе в Канзасе Карл Шрамм, президент американского Фонда Кауфмана, крупнейшей в мире организации, занимающейся поддержкой предпринимательства.

Среди тысяч слушателей его речи были трое гостей из Польши. Они слушали внимательно, но в отличие от остальных у них по щекам не шли красные пятна — они лишь слегка улыбались. Слова Карла Шрамма не стали для них неожиданностью, ибо молодежь в нашей стране ни к чему призывать не надо. Плохие новости об экономике мы принимаем к сведению, не моргнув глазом, и делаем свое дело, то есть тяжело трудимся, чтобы добиться успеха. Мы, конечно, боимся снижения зарплаты или увольнения, но не слишком — мы справимся. Всегда можно поискать другую работу или открыть собственную фирму и продолжать жить в полную силу. И неожиданно оказывается: жить не только для себя, но и для Польши.

«Мы полны отваги и не боимся кризиса. Даже когда нас увольняют, мы не отказываемся от мечты» — таков был ответ преобладающего большинства поляков в возрасте 25-34 лет в опросе, проведенном фирмой «MillwardBrown SMG/RC» в конце прошлого года. В марте фирма провела по заказу «Ньюсуика» повторный опрос на эту тему. И мы видим: прошли три месяца непрерывной бомбардировки драматическими сообщениями о кризисе, но по-прежнему почти половина молодых людей не боится рецессии. По-прежнему сохраняющийся у молодежи оптимизм подтверждает и опубликованный две недели назад опрос Центра им. Адама Смита «Money track 2009». На вопрос: «Видите ли вы какие-то шансы на улучшение своего материального положения?» — 32,2% респондентов ответили: да. И всем им от 20 до 39 лет. Участники той же группы опрошенных указали, что для увеличения заработка они готовы взяться за дополнительную работу (а не играть в спортлото, как заявило большинство поляков).

Дополнительная работа? В период кризиса и массовых увольнений? Неисправимые оптимисты? Вовсе нет. Многие из них в последнее время обнаружили, что их жизнь может кардинально измениться в лучшую сторону благодаря тяжелому труду. «Труду в любых условиях», — замечает соавтор опроса проф. Доминика Майсон с кафедры психологии личности Варшавского университета. Поэтому несмотря на сложные экономические условия мы не суетимся, не нервничаем и делаем свое дело. Как следует из новейших опросов, проведенных фирмой SMG/KRC по заказу «Ньюсуика», так поступают 76% молодых поляков.

Как это возможно, что мы не сдаемся перед лицом кризиса? По мнению проф. Доминики Майсон, мы, молодежь, как правило, не боимся нового, незнакомого, иного. И постоянно чего-то ищем.

Агнешка Бялек (29 лет) и Михал Бонк (33 года) первый серьезный рубеж в жизни преодолели полтора года тому назад, когда поженились. Потом следующий катаклизм — смена места работы. Она была координатором проектов в пиар-агентстве, сейчас работает брэнд-менеджером в международной корпорации. Он — когда-то брэнд-менеджер, теперь координатор проектов в крупной фирме. Оба они утверждают, что эти переломы научили их жить в условиях перемен. Кризис они вовсе не склонны недооценивать, тем более что работают в иностранных фирмах, где глобальная рецессия ощущается больше, чем в польских. Но они работают как всегда: напряженно и профессионально. Для личной жизни у них остаются лишь выходные: ужин в пятницу в хорошем ресторане или суббота, проведенная, например, где-нибудь в спа-салоне за городом, — это для них норма. Остальную часть заработанных денег они тратят на развитие (он как раз закончил MBA, она собирается идти по его стопам) и мечты (лыжи, теннис, лошади). Потом придет время планировать семью. «Мы осуществляем свой план. Ни от чего не отказываемся», — уверяют они. Об увольнениях из-за кризиса они даже не думают: их совсем недавно приняли на новое место работы, потому что в своем деле они первоклассные специалисты.

Куба Кубицкий (31 год) и Ярек Болинский (34 года), владельцы фирмы «Пропеллер-Фильм», могут только позавидовать их стоическому спокойствию. Они специализируются на производстве рекламных роликов и ясно ощутили, что заказчики урезают рекламные бюджеты. Несколько заказов оказалось под вопросом, возросло нервное напряжение, но они справились. «Мы приспосабливаемся к потребностям рынка, мы в состоянии пойти

на значительное снижение цены», — храбро бросает Куба, который наряду с низкой ценой и высоким качеством услуг предлагает клиентам мощную энергию и увлеченность молодой команды. Таким способом «Пропеллер» в последнее время перехватил проекты, которые первоначально должны были достаться известным киностудиям. Эти проекты оказались в их фирме, потому что она дешевле, но совсем не хуже. «Нельзя сказать, что у нас растет число клиентов. Но их остается стабильно столько же, а это большой успех», — говорит Куба и подчеркивает, что если проявлять гибкость, то это всегда себя оправдывает.

— Такими могут быть только молодые поляки. Без комплексов и вперед, — не скрывает радости Дариуш Жук, который вместе с двумя друзьями, Мариушем Турским и Яцеком Александровичем (все 1980 г.р.), создал пять лет тому назад механизм помощи молодежи, начинающей собственный бизнес, — Студенческие инкубаторы предпринимательства (СИП). За это время они выпустили на рынок уже более 2,5 тыс. фирм. В прошлом году к ним обратилось около 300 молодых поляков, а в этом году — уже почти 800. У них эти люди получают дотации от спонсорских фондов и от фондов ЕС на раскрутку бизнеса, в течение года работают под бухгалтерским и маркетинговым зонтиком СИП. А потом им приходится рассчитывать уже только на себя. Создатели СИП и были теми тремя молодыми слушателями, которые легкой улыбкой реагировали на выступление шефа Фонда Кауфмана. Они поехали в Америку и произвели там сенсацию. Их проект, то есть СИП, был признан одной из трех лучших форм поддержки молодых предпринимателей в мире. «Но мы будем самыми лучшими, ибо у нас в стране большой потенциал», — говорит Жук, а проф. Майсон комментирует: «В конце концов мы перестаем быть обществом людей, непрерывно жалующихся, а катализатором перемен становится наш друг кризис».

Яцек Шафадер (32 года), специалист по рекламе и интернет-продажам, на протяжении десяти лет оправдывал профессиональные ожидания своих очередных шефов. А в последние пять месяцев ему уже не надо удовлетворять ничьих ожиданий, кроме своих собственных. Фирма «hoopla.pl», в которой он работал, обанкротилась — теперь он разворачивает собственную деятельность под названием «Афирмада». Он предлагает то же, что и прежде, — то есть применение интернет-рекламы и новых технологий в бизнесе, только на 30% дешевле. «Я чувствую, что могу наконец делать то, что хочу, а кризис парадоксальным образом стал моим союзником. Он привлек клиентов, которым приходится экономить, и они идут ко мне», — рассказывает Яцек, не скрывая своего удовлетворения.

Шафадер — не единственный человек, чью биографию кризис изменил к лучшему. В январе и феврале по данным ГСУ работу потеряло около 160 тысяч человек. Часть из них не сможет найти новое место работы, поэтому будет создавать его для себя. «Мы получаем десятки вопросов о том, как открыть фирму. Еще год назад практически никто не обращался к нам с таким вопросом», — говорит Марек Еречек из портала [przepisnabiznes\[рецепт бизнеса\].pl](http://przepisnabiznes[рецепт бизнеса].pl).

— Революция в жизни часто подталкивает к действию, — дает свое заключение Яцек Санторский, психолог, специализирующийся на проблемах бизнеса, — но одной мотивировки недостаточно, — предостерегает он, — ибо для достижения успеха в бизнесе необходима решительность, а источник ее — в сильном характере.

«Человек с характером», — так оценивает сам себя строитель из Познани Роман Навроцкий (35 лет). Он называет себя «специалистом по выстраиванию всего» и «прекрасным материалом для формирования директорских качеств». Четыре года назад он начинал работать в крупной строительной фирме. Когда наступил кризис, то сначала кончились сверхурочные, а в октябре он услышал: «Sorry, Ромек, ты тут больше не работаешь». До середины декабря он дотянул за счет «халтуры». Январь был драматичным. «Я думал, что с ума сойду без работы», — рассказывает Навроцкий. Поэтому он решил, что больше никто никогда его с работы не уволит, и открыл фирму. Необходимое оборудование у него уже есть, первый клиент — тоже, вдобавок он убежден, что бывший начальник еще пожалеет о своем решении, ибо Навроцкий хочет стать ему серьезным конкурентом.

— Потребность доказать окружению, что ты чего-то стоишь, — вот один из сильнейших стимулов начать экономическую деятельность, — комментирует успехи строителя Ромека проф. Ханна Годлевская-Майковская из Института предпринимательства Главной торговой школы. — Но предприниматель должен быть также готов к риску и уметь быстро реагировать на внезапные изменения.

Такими чертами характера явно обладает Зося Бугайная (28 лет), специалист в области архитектуры логотипа, то есть формирования его дизайна. Когда-то Зося работала журналисткой на познанском радио, затем без колебаний бросила столицу Великопольши ради столицы всей Польши. Здесь она работала для самых престижных маркетинговых агентств. В ее клиентском портфолио были «Кока-Кола», «Вольво», «Филипс» и «Хайнц». А это невероятный капитал. Расставшись с агентством «Эдельман», она с сентября работает как свободный художник. В качестве фирмы «Bugajna Communication» Зося предоставляет услуги даже на 40% дешевле, чем в качестве

сетевого специалиста по дизайну. «А когда же, как не в условиях кризиса, конкурентоспособность более всего в цене?» — задает она риторический вопрос, готовясь бороться за клиентов.

Социолога проф. Ханну Свида-Зембу, которая на протяжении нескольких десятков лет занимается изучением проблем молодежи, не удивляет такая конфронтационная позиция молодых поляков. По ее мнению, молодые люди берут жизнь за рога, ибо просто не соотносят кризис с собственной судьбой. Он их не беспокоит, так как они не ощущают непосредственной опасности. Всегда есть какая-то альтернатива.

— Для них, по правде говоря, ничего не происходит. Кризис существует лишь в СМИ, он виртуален, — поясняет Ханна Свида-Земба. И обращает внимание на новый аспект изменений, проявляющихся в молодых поляках. — Мои студенты начали затрагивать на занятиях темы общественного характера. Ранее об этом даже речи не было, — добавляет она. Таким образом лозунг «Мы справимся!» имеет уже двойное измерение — деловое и социальное.

Такие замечания — как бальзам на душу для Мачека Щехуры (33 года), вице-президента Евробанка, который уже много лет активно занимается общественной деятельностью, в частности в гражданском «Проекте: Польша». Миссия «Проекта» — собирать молодых людей вокруг решений, которые изменят нашу страну, превратив ее в современное государство. Щехура вспоминает появившиеся два года назад научные исследования проф. Януша Чапинского, посвященные общественному капиталу, очень они ему запомнились. Если говорить о гражданской активности (доверие к другому человеку, число добровольных ассоциаций и фондов), то Польша выглядит хуже всех в Евросоюзе. Сегодня это в конце концов меняется. А коллега Щехуры (он тоже работал в «Проекте: Польша»), Павел Лисевич (30 лет), сотрудник государственного казначейства, занимающийся поддержкой приватизации, говорит коротко: «Мы вступали в свою профессиональную жизнь после 1989 года. Нам не пришлось переживать разделов, войн, коммунизма. Мы — самое счастливое поколение в этой стране за двести с лишним лет. Глупо было бы подчиняться чему-то столь ничтожному с исторической точки зрения, как кризис».

Правильно, мы справимся!

1: СПАСИБО, МЫ ПЕРЕЗВОНИМ

Хуже всего — ждать. Сознание того, что после рассылки множества анкет ты не получаешь ни единого ответа, досаждают не меньше отсутствия денег. Можно утешаться, что тебе нет еще и тридцати, что перед тобой — целая жизнь. Но какое же это утешение, когда старт во взрослость начинается с регистрации в качестве безработного?

Нынешний год должен был стать самым лучшим из всех, какие прожил до сих пор Мартин Радван. Этот 28 летний выпускник Ягеллонского университета по специальности «государственная администрация» незадолго до предыдущих каникул защитил там второй диплом, на сей раз — по истории. «С двумя факультетами, свободным английским языком, хорошим французским, ворохом зачетных студенческих практик и стажировок, а также с почти гарантированной штатной должностью в банке БПХ я верил, что поймал ветер в паруса и что передо мной открыты все пути в мире», — говорит Мартин. У него в голове даже не мелькнула тогда мысль, что вместо стремительного вступления в профессиональную жизнь его ждут долгие месяцы нервотрепки и унижений в поисках работы.

Вселенная начала для него рушиться осенью, вскоре после краха американского инвестиционного банка «Леман Бразерс», название которого раньше у Мартина практически ни с чем не ассоциировалось. Тем временем психоз, вызванный на финансовом рынке этим банкротством, привел к тому, что работа в краковском отделении банка БПХ, еще недавно находившаяся на расстоянии вытянутой руки, внезапно оказалась несбыточной мечтой. Тому отделу, где предстояло работать Мартину, резко урезали бюджет, а затем его вообще ликвидировали. Позднее всё уже шло только хуже. Анкеты, рассылаемые целыми пачками; в среднем раз в неделю — собеседование в какой-нибудь фирме. Каждое очередное — все дольше и мучительней. Но по-прежнему бесплодное. Подробнейшие расспросы, придирки к мелочам, тест за тестом. Хорошо, если до этого вообще доходило. Из сорока с лишним фирм и учреждений, куда Радван отправил заявления, откликом его удостоил, быть может, десяток. «Везде я слышал до удивления одинаковые ответы: у вас нет опыта, необходимого на этой должности. Словно бы я добивался, по меньшей мере, кресла вице-президента, а не самой обычного места за полторы-две тысячи злотых в месяц».

Круг таких, как Радван, быстро растет. С конца 2008 г. рынком труда снова заправляют предприниматели, и это плохое известие для 800 с лишним тысяч потенциально новых работников, оканчивающих нынешним летом средние школы и университеты. Речь идет не только об уровне безработицы, которая между декабрем и мартом

выросла с 9,5 до 11,2% и будет расти дальше. Правительство ожидает, что в 2010 г. она остановится в районе 14%, пессимисты говорят даже о 17%, то есть о том, что наблюдалось в первый год после вступления Польши в Евросоюз. Проблема в том, что и нынешний кризис — как и предшествующие — сильнее всего ударяет по молодежи, только-только вступающей на рынок труда. Сокращая затраты, предприниматели редко принимают новых сотрудников, а если уж и берут, то не начинающих. С увольнениями всё наоборот: под нож в первую очередь идут кадры, привлеченные в ходе того форсированного набора персонала, который велся на протяжении последних двух-трех лет, когда фирмы сотнями принимали на работу молодежь, лишь бы справиться с растущей горой заказов или обслужить новых клиентов. «Число предложений для выпускников сократилось за нескольких месяцев на каких-нибудь 70%, — считает Кристина Кавецкая из малопольского агентства по найму рабочей силы «Global Business Solutions». — Предпринимателей уже не интересуют ни оценки в аттестате или дипломе, ни число пройденных практик и стажировок. В расчет идет только опыт».

Ничего странного, что уже в марте из условных ста безработных, зарегистрированных в службе занятости, каждый пятый был моложе 25 лет. До конца года к этой возрастной категории может принадлежать каждый третий, не имеющий работы. Среди молодежи уровень безработицы уже сейчас приближается к 22% (в среднем по Евросоюзу он составляет сегодня около 18%), и мало надежд, что в нынешнем году этот показатель остановится, не достигнув 30%. При черном сценарии, если наша экономика вступит в рецессию и останется в таком состоянии два-три квартала, безработица среди выпускников средних и высших школ может дойти даже до 35-40%. Иными словами, она достигнет уровня, который отмечался четыре-пять лет назад, когда экономика только начинала переводить дыхание после замедления, наблюдавшегося в первые годы текущего десятилетия.

Нынешний кризис, откровенно говоря, только раскручивается, и многие отрасли еще не затронуты им всерьез. «В энергетике, информатике или управлении производством выпускники по-прежнему находят первую работу без особых трудностей», — замечает Казимеж Седляк, владелец фирмы кадрового консалтинга «Седляк & Седляк». Это слабое утешение для тех, кто связал свое профессиональное будущее с секторами экономики, больше всего пострадавшими от глобальной рецессии и ее польских отголосков, например с автомобильной промышленностью или строительством.

Влодзимеж Шмигель, 19-летний парень с оконченной школой профессионального обучения в Калише, уже семь с лишним месяцев безуспешно ищет работу по специальности «электромонтер», которой его обучали. Когда год назад он кончал школу, спрос на строителей был огромным. Поэтому Шмигель не очень-то спешил идти на стройку в своих краях. Он устроил себе долгие каникулы в Ирландии, у старшего брата, сочетая их с заработком в евро. «Я был уверен, что в резерве для меня всегда есть работа на стройке у нас в стране за 3-4 тысячи на руки».

В Польшу он вернулся в последних числах октября, когда кончилась работа в польской строительной бригаде в Корке. У начальника вдруг резко сократился объем заказов, и в итоге тот оставил лишь людей с наибольшим опытом. Влодеку он сказал только, что укладывать кабели в стене способна даже его дочка. «Тут я разозлился и вернулся домой, но теперь и у нас с работой хило, — сердится Влодек. — Время от времени я через дружков вылавливаю какого-нибудь мелкого левака, но насовсем не зацепишься».

Безработица среди молодежи, к сожалению, деморализует глубже и быстрее, чем та, что затрагивает людей постарше. Школа, экзамены, общественный порядок — все это должно подготовить человека к первой работе. И вдруг этой работы нет. Один, второй, третий отказ может оказать разрушительное воздействие на молодую, еще только формирующуюся личность. «Поражения, в действительности вытекающие из ухудшения конъюнктуры, легко могут привести человека к уверенности в недостаточной собственной ценности, в своей прямо-таки непригодности, — объясняет Иоанна Хайдтман, специалист по социальной психологии из Ягеллонского университета. — Среди тех, кто испытал безработицу сразу же после окончания школы, на рынок труда никогда уже не вернется намного больше лиц, чем из числа тех, кто потерял работу на более позднем этапе карьеры».

Горечь безработицы у молодых выпускников высших учебных заведений усугубляется, если они вложили труд в получение такого образования, которое было спрофилировано под конъюнктуру, а не по собственной заинтересованности. Молодые люди, то ли сами по себе, то ли поддавшись уговорам родителей, выбрали правоведение, маркетинг либо банковское дело, потому что несколько лет назад казалось, будто в этих сферах всегда будет светить солнце. Сегодня они с ужасом обнаруживают, что эта инвестиция — отнюдь не страховой полис от безработицы. «Они с трудом взобрались на верхушку лестницы, которая была приставлена не к той стене», — так определяет эту ситуацию американский антрополог Джозеф Кэмпбелл. «Многие из моих знакомых по учебе слышат теперь от предпринимателей: будьте гибкими, поменяйте профессию. Интересно, а сумели бы они сами с такой легкостью перечеркнуть пять лет жизни, — возмущается Изабелла Яблонская, прошлогодняя выпускница Вроцлавского университета по специальности «политология», работающая сегодня

на ставке в магазине готовой одежды. — Да и за какие деньги мне, кстати говоря, переквалифицироваться, если моего оклада едва хватает на то, чтобы снимать комнату».

Когда шесть лет назад Иза начинала учиться, экономика как раз встряхивалась после предыдущего кризиса. Быстро падавшая безработица, укреплявшийся злотый, растущие заработки казались многим ее ровесникам явлением столь же естественным и старым, как цикл времен года. «Я выбрала себе несколько практик и стажировок в области связей с общественностью, потому что такая работа подходила к моему образованию, — объясняет Иза. — Кроме того, газеты были полны подобных предложений, и я испытывала уверенность, что связываю свое будущее с перспективной сферой. Когда осенью в прессе слово «кризис» начали склонять во всех падежах, число приглашений на работу по пиару и связям с общественностью резко сократилось — как и бюджеты, выделяемые фирмами на услуги таких агентств». Иза сбавила тон и начала искать другую офисную работу, хотя бы ассистентки или секретарши. Безрезультатно. «Я остолбенела: оказалось, что девушка, подающая документы на подпись директору или президенту и управляющая графиком его дел, должна теперь знать не меньше двух иностранных языков, а приветствуются еще и две или три специализации. Интересно, много ли начальников в Польше обладают таким образованием?» Иза уже знает, в чем больше всего нуждается сегодня молодежь: сразу после учебы получить в Польше хорошую работу. «Хорошую» не означает «хорошо оплачиваемую» — ей хватило бы пока полторы тысячи злотых на руки. «Лишь бы только заниматься чем-нибудь поумнее, чем заваривать кофе или подавать брюки в магазине. Чем-то таким, что дает шанс на развитие и в перспективе — на действительно приличные заработки».

Иначе видят ту же самую проблему предприниматели. По их мнению, несколько лет непрерывного бума на рынке труда взвинтили материальные запросы молодых людей до абсурда. Как сообщает Главное статистическое управление, только в прошлом году средняя начисленная зарплата выпускника выросла с 1,6 до 2,5 тыс. злотых. В Варшаве мало кто после солидного учебного заведения готов был приступить к работе за сумму меньше 3,5-4 тыс. зл. в месяц. Денежные аппетиты молодежи разжигались как открытием новых финансовых учреждений: банков, агентств инвестиционного консалтинга, страховых фирм, — так и развивающейся деятельностью иностранных инвесторов в Польше. Например, в Неполомице под Краковом немецкий концерн MAN открыл завод по сборке грузовиков, наняв на работу 550 человек и, конечно же, высоко взметнув ставки заработной платы. Окрестные предприниматели оказались вынужденными приспособиться к предлагавшемуся там уровню зарплаты. Пан Ежи, директор по кадрам одной фирмы, выпускающей упаковки неподалеку от Неполомице, считал тогдашние финансовые ожидания выпускников просто наглостью. «Молодой человек, совершенно зеленый в профессиональном смысле, приходил на собеседование и с места в карьер заявлял, что нам не о чем разговаривать, если мы не можем заплатить ему минимум 3 тыс. злотых чистыми, — раздраженно вспоминает он. — Сегодня, когда MAN уволил уже 150 человек, те же самые люди готовы сражаться за оклад в две тысячи».

Кризис на самом деле остужает денежные аппетиты молодых. «У меня уже нет чрезмерно высоких требований, мне хватит 1200-1500 злотых на руки», — утверждает Мартин Ковальский, прошлогодний выпускник средней школы из городка Оборы под Торунью, до сих пор остающийся без работы. Пока что он охотнее всего стал бы заниматься продажами по телефону либо через Интернет или же сделался коммивояжером, чтобы иметь время на высшее экономическое образование, которое он видит как пропуск в будущую, достойно оплачиваемую работу. С той лишь разницей, что в кризисные периоды даже повышение квалификации не всегда это гарантирует. 24 летняя Юстина Павловская из Полупина в Любушском воеводстве после средней школы окончила учебный курс по специальности «администрация и логистика», но работу себе никак не находила. Штатную должность в фирме, производящей промышленные холодильные установки, она получила в ноябре после новых курсов, где готовили... сварщиков. «Работы при кризисе хватает, не хватает только денег. Уже шесть месяцев я не получаю премию», — говорит Юстина, добавляя, что на снижение основной зарплаты она уже не согласится.

Всё имеет свои границы. Консультанты по трудоустройству утверждают, что предприниматели не должны рассчитывать на возврат к временам поколения, получавшего в начале десятилетия 1200 злотых в месяц, то есть к молодой армии послушных, дисциплинированных рабов, которые гнут спину, горбят по десять и больше часов в сутки за жалованье, близкое к минимальной зарплате. Открытие европейских рынков труда привело к тому, что предложение отечественных фирм больше не остается единственным доступным, даже если шансы на хорошо оплачиваемую работу за границей сегодня значительно уменьшились. Однако самая большая перемена произошла в обычаях, нормах и ценностях труда. Еще несколько лет назад на рынке имел хождение миф о трудоголике, который достигает главных для себя целей в первую очередь на работе. «Сегодня большинство молодежи рассматривает работу уже не как место реализации своих жизненных запросов и устремлений, а как источник доходов, дающих возможность самореализации в других плоскостях, например в семейной или связанной с хобби», — полагает Юстина Липовская, руководитель отдела вербовки фирмы кадрового консалтинга HRK.

Превращение поколения процветания в поколение кризиса — это, понятное дело, не только польская специфика. В Германии за последние 12 месяцев процент безработных моложе 25 лет возрос даже до 22%. В Испании отсутствует работа у каждого третьего молодого человека, хотя год назад эта проблема касалась лишь 15% из них. Всё больше трудностей с первичным введением молодых людей на рынок труда испытывают и такие зажиточные страны, как Великобритания, Швеция или Франция, а в более бедных, например в Греции или Италии, всё чаще дело доходит до уличных протестов молодежи, сражающейся за первое рабочее место.

Виноват в этом не только кризис. В странах с глубоко этатизированной экономикой и сильными профсоюзами рынок труда легко закостеневаает, потому что привилегии работников трудно примирить с интересами тех, кто еще только борется за первую в жизни вакансию. Ситуацию обостряют последствия глобализации, которая забирает из Европы рабочие места по производству простых товаров, чем раньше занимались выпускники профессиональных училищ или средних школ. Наряду с этим в технологически продвинутых отраслях отчетливо видна недостаточная приспособленность квалификации, вынесенной из учебного заведения, к нуждам текущего рынка труда. Европейская комиссия уже в 2007 г. была тревогу по поводу того, что почти каждый второй выпускник высшей школы в Евросоюзе по существу не подготовлен к занятиям хоть какой-нибудь профессиональной деятельностью. В Польше, где среди выпускников университетов и институтов до сих пор преобладают гуманитарии, эта проблема еще серьезнее.

Итак, действительно ли мы приговорены к росту армии молодых безработных? Необязательно. В будущем году экономика должна снова приступить к созданию новых рабочих мест, но уже сегодня просматриваемая впереди демографическая яма ощутимо уменьшит численность молодежи в средней и высшей школе, а это через несколько лет значительно ослабит ее давление на рынок труда. Таким образом, поколение кризиса не успеет окрепнуть.

2: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, накануне июньских выборов в Европарламент самой большой поддержкой пользуется «Гражданская платформа» (ГП, 48%). Следующие места занимают «Право и справедливость» (ПиС, 30%), Союз демократических левых сил (9%) и крестьянская партия ПСЛ (5%). Поддержка других партий ниже 5 процентного избирательного барьера. («Газета выборча», 13 мая)

- „Европейская народная партия (ЕРР), в которую входят 74 христианско-демократические, консервативные и крестьянские партии из 34 стран Европы, впервые проводит свой конгресс в Варшаве. Во Дворец культуры и науки прибудет более двух тысяч гостей, в т.ч. канцлер Германии Ангела Меркель, председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу и председатель Европарламента Ханс-Герт Поттеринг (...) Депутаты Европарламента разделены на политические фракции. В настоящее время их семь. Самая крупная (285 депутатов) — это коалиция Европейской народной партии и Европейских демократов (ЕРР — ЕД) (...) Польшу в ней представляет ГП и один евродепутат от ПСЛ (...) Вторая сила Европарламента — Партия европейских социалистов (PSE), в которую объединены европейские социал-демократы (...) Из Польши в состав PSE входят Союз демократических левых сил и «Уния труда» (...) Евродепутаты из Польши, представляющие ПиС и «Самооборону», входят в «Союз за Европу наций» (UEN), который объединяет евроскептиков и националистические правые партии”. («Жечпосполита», 29 апреля)

- „Лех Валенса, лидер «Солидарности» и бывший президент Польши, выступил в четверг на варшавском конгрессе европейских христианских демократов с важнейшей речью. Его чествовали как героя (...) Большое впечатление произвел короткий фильм о Валенсе и «Солидарности», в котором об исторической роли польского профсоюзного движения говорили бывший президент Франции Валери Жискар д’Эстен и бывший президент США Джордж Буш-старший (...) «Европа помнит, что все началось здесь, в Польше, с переговоров за «круглым столом». Мирная революция изменила Европу», — сказал Баррозу”. («Газета выборча», 2-3 мая)

- Марек Зюлковский, профессор познанского Университета им. Адама Мицкевича, вице-маршал Сената: „«Круглый стол» стал большим успехом (...) во времена, когда во всех странах коммунистического блока еще стояли советские войска, а об открытии железного занавеса можно было только мечтать (...) «Круглый стол» привел к мирному и бескровному свержению коммунистической диктатуры (...) Смена государственного строя не была ни реформой сверху, ни революцией снизу: она была договоренностью элит режима и оппозиции (...)» Согласно опросу ЦИОМа, 41% поляков оценивает «круглый стол» положительно, и лишь 11% — отрицательно; 44% оценивают его как «общественный договор», и только 26% — как «сговор элит». «Наиболее разумным в сложившейся ситуации» назвали его 30%, 37% согласны с утверждением, что «он имел свои хорошие стороны, но компромисс зашел слишком далеко», и только 8% оценивают его как «ненужную уступку коммунистическим властям». Подавляющее большинство поляков уверено, что соглашения «круглого стола» «сделали возможной

мирную, бескровную передачу власти» («да» — 74%, «нет» — 8%), хотя, с другой стороны, «привели к тому, что в Польше режим и его главные представители не ответили за свои преступления» («да» — 51%, «нет» — 21%). Лишь меньшинство считает, что это соглашение было ненужным, потому что старый строй и так вскоре бы рухнул («да» — 27%, «нет» — 47%)». («Газета выборча», 25-26 апр.)

- Бывший президент Польши Александр Квасневский: „Нас с трудом можно было назвать даже периферией Европы, а сегодня мы важная ее часть. Даже если нам всё еще кажется, что не настолько важная, как мы ожидали”. («Политика», 9 мая)
- „Здание Европарламента. В середине — огромный овальный холл, в который сверху падают лучи солнца. Через этот холл проходит каждый посетитель Европарламента, в том числе многочисленные экскурсионные группы. Именно там во вторник повесили мемориальную доску с надписью «Зал Бронислава Геремека» (...) «Мой отец был поляком, евреем и свидетелем зверств XX века. И вот сегодня имя мальчика, ученика Януша Корчака, с улиц варшавского гетто попало сюда, в далекий Страсбург, город, символизирующий объединенную Европу», — сказал Мартин Геремек». («Газета выборча», 22 апр.)
- „«Я не хочу, чтобы 4 июня [в годовщину победы «Солидарности» на парламентских выборах 1989 г. — Ред.] профсоюзные деятели с флагами «Солидарности» били дубинками полицейских и наоборот (...)», — сказал вчера Дональд Туск. И перенес политическую часть празднования из Гданьска в Краков, чтобы не пересекаться с демонстрациями, которые профсоюзы запланировали на этот день у памятника погибшим судостроителям (...) Поэтому приглашенные в Польшу премьер-министры Вышеградской группы встретятся с молодежью на Вавеле. В Краков приедет и канцлер Германии Ангела Меркель». («Польска», 8 мая)
- „Юзеф Пшибыльский, 1943 года рождения (...) Слесарь и сварщик. В 1978-1980 гг. — помощник Богдана Борусевича, печатник и распространитель листовок и независимых журналов (...) В августе 1980 г. — один из организаторов забастовки в гданьском «Будиморе». В числе других подписал августовское соглашение 1980 года. В сентябре 1980 г. эмигрировал в Бельгию (...) Не любит подожженных шин, воя сирен, стука касок и пустословия (...) «Когда в моей брюссельской фирме дела пошли плохо, мы с товарищем решили: выхода нет, будем работать за полставки, три дня я и три дня он. А они [судостроители], когда предприятие разваливается, колотят касками в двери Европарламента (...) А те, кто подписал [в августе 1980 г.] Гданьское соглашение — собрались ли они отпраздновать вместе хоть одну годовщину? Более того: они организуют в августе конкурирующие друг с другом торжества! Слово «Солидарность» не объединяет, а разделяет. Одни обвиняют других в присвоении названия профсоюза. Когда я смотрю на это, мне становится все более ясно, что это — не моя «Солидарность» ». («Польска», 8 мая)
- „В пятницу Лех Валенса был гостем конгресса, положившего начало общеевропейской избирательной кампании в Европарламент партии евроскептиков «Либертас» (...) «Трудно разобраться в неожиданных политических виражах Леха Валенсы. В Польше он поддерживает ГП, которая слепо одобряет евроинтеграцию, а в Италии — евроскептиков из „Либертаса”», — говорит депутат от ПиС Коваль». («Жечпосполита», 2-3 мая)
- „«Я сделал это не бесплатно», — сказал Лех Валенса в интервью каналу ТВН-24 о своем выступлении 1 мая на международном съезде «Либертаса» в Риме». («Жечпосполита», 4 мая)
- „Европейские дотации (29,5 млрд. евро) превысили взносы, уплаченные Польшей за пять лет членства в ЕС (13,4 млрд. евро), на 16 млрд. евро (по нынешнему курсу — 70 млрд. злотых)». («Впрост», 10 мая)
- „44,4 млрд. злотых выплачено польским крестьянам непосредственно из бюджета ЕС, 4968 км дорог отремонтировано и проложено благодаря финансированию из бюджета ЕС, только за последние два года около 800 тыс. поляков получили официальную работу в странах ЕС, 350 законов и постановлений регулируют введение в Польше европейских норм». («Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)
- Профессор Варшавского университета Ежи Вилькин: „После вступления в ЕС в 2004 г. к крестьянам потекли огромные, беспрецедентные деньги. Но крестьяне должны были приспособиться к господствующим на общем рынке условиям, соблюдать европейские нормы — например, связанные с качеством продукции (...) К сожалению, часть дотаций они просто проели (...) Но, с другой стороны, река прямых дотаций, которая текла к большинству крестьян в первые три года нашего членства в ЕС, имела смысл. Она вызывала у крестьян положительное отношение к Единой сельскохозяйственной политике и позволяла уменьшить цивилизационную пропасть между городом и деревней. После вступления Польши в ЕС у крестьян появилась наконец уверенность в завтрашнем дне». («Газета выборча», 27 апр.)

- „Согласно европейскому экологическому законодательству, 16% территории Польши находится под особой охраной. Брюссель убеждает: заботиться об окружающей среде и беречь природу нужно, потому что без нее мы погибнем. Эта сфера регулируется, ни много ни мало, шестьюстами директивами, постановлениями и другими правовыми актами. Вступая в ЕС, Польша обязалась их соблюдать. В ближайшие 20 лет соблюдение экологических норм обойдется Польше в 120-140 млрд. злотых. Более половины этой суммы мы получим из европейского бюджета. Европейский фонд уже сейчас финансирует 83 крупные польские водно-канализационные системы”. («Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая)
- С 1 мая гражданам государств ЕС уже не нужно получать разрешение, чтобы купить в Польше участок под строительство. По данным министерства внутренних дел и администрации, в прошлом году такие разрешения получили 106 иностранцев: 49 немцев, 14 англичан, 10 австрийцев, по 7 французов и шведов. («Жечпосполита», 27 апр.)
- Пять лет Польши в ЕС — сравнение экономических показателей Польши в 2004 и 2008 гг.: ВВП (в млрд. зл.) — 925 и 1266; ВВП на душу населения (в тыс. евро) — 9 и 13,5; прямые иностранные инвестиции (в млрд. евро) — 10,2 и 11,2; безработица — 19% и 9,5%; экспорт (в млрд. евро) — 65,9 и 114,6; импорт (в млрд. евро) — 70,3 и 139,3. Данные предоставили ГСУ и Польский национальный банк. («Политика», 25 апр., вкладыш «Польша в ЕС. Первые 5 лет», а также опровержение в «Политике», 2 мая)
- Согласно опросу ГфК «Полония», „52% поляков самым большим достижением последних 20 лет считают вступление в ЕС. Кроме евроинтеграции, мы высоко ценим создание свободного рынка (28% респондентов) и появление больших частных фирм (24%). Немного меньше опрошенных назвали также работу в Польше многочисленных иностранных фирм (...) Каждый четвертый поляк считает достижением возможность купить любую валюту. Для каждого десятого успех — это частные школы, вузы, банки, поликлиники”. («Жечпосполита», 4 мая)
- Согласно опросу ГфК «Полония», 77% поляков довольны членством Польши в ЕС. 55% хотят, чтобы в Евросоюз вступила Украина, 39% высказываются за вступление в ЕС Хорватии, 31% — Белоруссии, а 27% — Турции. Членство в ЕС Грузии поддерживают 17% опрошенных, Сербии — 16%, России — 15%, Македонии — 13%, Черногории — 11%. («Жечпосполита», 29 апр.)
- Бывший президент Польши Александр Квасневский: „Как это расценивать? Польша подписала Лиссабонский договор, но не ратифицирует его. Хочет участвовать в европейских проектах, но критикует европейские прогнозы (...) Устраивается большое празднество с приездом премьеров нескольких стран, но проходит оно на фоне подожженных шин. Сначала эти премьеры слушают выступление Леха Валенсы на тему Европы, а на следующий день видят его фотографию с выступления на конгрессе антиевропейской партии «Либертас»”. («Пшеглэнд», 17 мая)
- „Евросоюз торжественно открыл программу «Восточное партнерство», направленную на сближение с шестью бывшими республиками СССР: Украиной, Белоруссией, Молдавией, Грузией, Арменией и Азербайджаном (...) Польско-шведскую инициативу удалось реализовать в рекордные сроки — премьер-министр Дональд Туск изложил и представил ее на саммите в Брюсселе меньше года назад”. («Жечпосполита», 8 мая)
- „По официальным правительственным данным, в 2004-2008 гг. из Польши уехало на заработки более 2,2 млн. человек (...) Больше всего поляков выехало в Великобританию, Германию и Ирландию (...) В Польше наиболее ощутимым последствием массовой эмиграции стало снижение безработицы. За менее чем четыре года она упала с 20 до менее 10% (...) Из данных польского Нацбанка следует, что в 2004-2008 гг. эмигранты переслали в Польшу около 80 млрд. злотых. Для нашего ВВП, намного превышающего 1 триллион, 100 млрд. — это немного, но эти деньги помогли ограничить зоны нищеты в восточных районах страны, наиболее страдающих от безработицы. Они также значительно подстегнули потребление, благодаря чему содействовали росту ВВП”. (Томаш Доминяк, «Польша», 27 апр.)
- „Экономическое замедление и растущая безработица привели к тому, что мы начали ограничивать затраты на потребление. По данным ГСУ, в марте мы купили на 0,8% меньше товаров, чем год назад”. («Польша», 28 апр.)
- „Растет количество «плохих» кредитов (...) В случае домашних хозяйств число кредитов, находящихся под угрозой, выросло на 25% (с 10,4 млрд. до 13,1 млрд. злотых). В секторе задолженности по предприятиям рост составил 12,4% (с 12,2 до 13,7 млрд. злотых)”. («Жечпосполита», 15 апр.)
- „Только в январе и феврале в Польский долговой реестр было внесено 50 тыс. имен (...) В течение первых двух месяцев этого года сумма непокрытых банковских задолженностей выросла более чем на 1,3 млрд. злотых. Это в

три раза больше, чем за тот же период 2008 года”. («Дзенник», 27 апр.)

- „В первом квартале 2009 г. в Польше зарегистрировано 105 банкротств. Это на 11% больше, чем год назад (...) Обанкротились главным образом фирмы из отрасли производства и услуг”. («Впрост», 3 мая)
- „По расчетам министерства финансов, в апреле инфляция выросла до 3,9% (с 3,6% в марте) (...) Инфляцию подстегивают в основном растущие цены на продукты питания (...) Выросли и цены на горючее (...) Немного дороже обойдется теперь отдых, обустройство квартиры, пресса и связь”. («Дзенник», 5 мая)
- „Министр труда Иоланта Федак сообщила, что уровень безработицы снизился с 11,2% в марте до 11% в апреле”. («Дзенник», 1 мая)
- „Поразительные успехи польской экономики: в марте промышленное производство было всего на 2% ниже, чем год назад (...) Так что по сравнению с остальной Европой мы лидируем. В феврале (более свежих данных пока нет) производство в ЕС снизилось на 17,5%. А в Германии оно упало на 20,6%”. («Дзенник», 6 апр.)
- Проф. Станислав Гомулка: „В марте этого года у нас было на два рабочих дня больше, чем год назад. ГСУ подсчитало, что с учетом этого фактора производство упало почти на 11%”. («Дзенник», 21 апр.)
- „Министерство финансов без труда продало десятилетние облигации (...) После неудачных торгов правительственными облигациями Италии и Великобритании продажа польских правительственных бумаг при трехкратно более высоком спросе инвесторов — это успех (...) Вместо запланированных 1,5 млрд. злотых объем продаж составил почти 5 миллиардов, поэтому организованы дополнительные торги”. («Жечпосполита», 9 апр.)
- „По данным ГСУ, прошлогодний дефицит сектора правительственных и местных учреждений достиг 49,5 млрд. злотых, т.е. 3,9% ВВП. Это на 11 млрд. больше, чем допускают маастрихтские критерии (...) Согласно критериям вступления в зону евро, дефицит не может превышать 3% объема экономики, т.е. в Польше — 38 млрд. злотых”. («Дзенник», 23 апр.)
- „Начиная с 2004 г. продовольствие стало нашим основным экспортным товаром. В 2004 г. на рынки ЕС было продано около 70% экспортируемых нами продуктов питания, а в 2008 г. эта цифра выросла до 90% (...) Если еще в 2002 г. с польских конвейеров сошло менее 300 тыс. автомобилей, то в 2008 г. их было 864 тысячи (...) Более 90% этой продукции идет на экспорт (...) Еще в 2003 г. польский ВВП составлял 43% средней по ЕС, а в 2008 г. достиг уже 51%”. («Польска», 29 апр.)
- „Через пять лет в Польшу прибудет первое судно со сжиженным газом. Польская нефтегазовая компания (ПНГК) подписала договор с катарским концерном (...) До 2014 г. мы будем получать по 1 млн. тонн сжиженного газа (LNG) в год. Это означает, что после регазификации в проектируемом газопорте близ Свиноустья к польским потребителям будет поступать около 1,6 млрд. кубометров катарского топлива в год. В настоящее время спрос на газ в Польше составляет около 13,5-14 млрд. кубометров в год”. («Жечпосполита», 16 апр.)
- „Вчера участники консорциума, планирующего строительство газопровода из Норвегии в Швецию и Данию, приняли решение о приостановке этого проекта (...) После краха «Сканледа» у Польши осталась лишь одна инвестиция, дающая шанс на поставки нероссийского газа, — газопорт”. («Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)
- „В последнем рейтинге инвестиционной привлекательности компании «PricewaterhouseCoopers» наша страна поднялась с 15 го места на 5-е. В списке 20 государств нас опережают лишь четыре — Чили, Болгария, Малайзия и Китай. Всё более высокие оценки Польши связаны с низким инвестиционным риском (...) Нас выгодно отличает большой рынок труда, стабильная политическая ситуация и членство в ЕС (...) Но приток инвестиций ограничен кризисом. Уже в прошлом году он уменьшился с 16,6 до 12 млрд. евро (...) В 2008 г. 834 менеджера из 43 стран, опрошенных аудиторской компанией «Ernst & Young», назвали Польшу лучшим в Европе местом для инвестиций”. («Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)
- „Согласно вчерашнему прогнозу Еврокомиссии, в этом году польская экономика сократится на 1,4% (...) Дефицит государственных финансов достигнет в этом году 6,6% ВВП, а в будущем — 7,3% (...) «Прогноз Еврокомиссии ошибочен. Мы предвидим в этом году экономический рост», — утверждает министр финансов Яцек Ростовский (...) Даже если бы Еврокомиссия была права, то и так на фоне других стран мы выглядим очень хорошо. Экономика Германии сократится на 5,4%, а Ирландии — на 9%”. («Польска», 5 мая)
- „В октябре МВФ прогнозировал, что экономика Польши вырастет в этом году на 3,8%. В январе Еврокомиссия говорила о 2% роста, в марте Всемирный банк — о 0,5%, в апреле МВФ предсказывал падение на 0,7%.

Наконец, в понедельник Еврокомиссия сообщила, что наша экономика сократится на 1,4%. Очевидно, не только наш министр финансов был слишком оптимистичен в своих прогнозах, предсказывая рост сначала на 4,8%, потом на 3,7% и наконец — на 1,7% (...) Гораздо опаснее прогнозируемого сокращения экономики — рост дефицита государственных финансов. По мнению Еврокомиссии, он достигнет 6,6% в этом году и 7,3% в будущем, по мнению же министра Ростовского — 4,6% (...) Так или иначе, нас ждет несколько лет высокого уровня безработицы и роста фискальной нагрузки”. (Рышард Хольцер, «Тыгодник повсехный», 10 мая)

- „По мнению Европейского банка реконструкции и развития, в этом году ВВП Польши не изменится, а будущем вырастет на 0,8%. Это самый высокий показатель среди стран Восточной и Центральной Европы, где в 2009 г. экономика сократилась в среднем на 2,9%”. («Дзенник», 8 мая)

- „Правительство обнародовало свои предложения по бюджету на следующий год. По мнению министерства финансов, в 2009 г. экономика вырастет на 0,5-1,3%, инфляция составит 1,5-1,9%”. («Дзенник», 6 марта)

- „Польские города охватила мода на собственные монеты. Первые (именуемые «мерками») отчеканила в 2006 г. Ястарня. С тех пор ввести собственную валюту решили полтора десятка польских городов — в т.ч. Краков, Познань, Сопот, Мальборк и многие города Силезии. Местные деньги называются по-разному: дукаты, яцеки, талеры, фунты, янтари, цидеры, рыбники, крейцеры, динары. Как правило, эмиссия составляет около 20 тыс. монет. В основном монеты чеканятся из меди, а также, в небольших количествах, из серебра и золота”. («Польска», 27 апр.)

- „В 2008 г. благодаря отчислениям от налогов общественно-полезные организации получили 292 млн. злотых. Жертвователями стали более 5 млн. граждан. В 2003 г. налогоплательщики — около 80 тыс. человек — отчислили от своих налогов около 10 млн. злотых”. («Пшеглэнд», 26 апр.)

- „По данным Института статистики католической Церкви, в 2000 г. на воскресную мессу ходило 47,5% верующих, в 2004 г. — 43,2%, в 2008 г. — 40,4%”. («Газета wyborча», 30 апр. — 3 мая)

- „В 2008 г. в духовные семинарии поступало 695 юношей. Это на 10% меньше, чем год назад. Число кандидатов в священники систематически падает. За последние годы — почти на 40%. Еще в 2005 г. на первый курс в семинарии было зачислено 1145 человек”. («Газета wyborча», 29 апр.)

- „«Transparency International Polska», неправительственная организация, занимающаяся борьбой с коррупцией (...) за несколько десятков тысяч злотых выдает оказавшейся в трудной ситуации фирме сертификаты морали. Выданный «Transparency» сертификат морали — это свидетельство, что фирма функционирует прозрачно и непричастна к коррупции (...) В частности, в 2008 г. за несколько десятков тысяч такой сертификат получил футбольный клуб «Видзев» (Лодзь) (...) Тогда он как раз пытался предотвратить перевод в низшую лигу за коррупционные преступления”. («Дзенник», 30 апр.-1 мая)

- Проф. Януш Чапинский из Варшавского университета: „Сущность общественного капитала — это связь между людьми и способность к сотрудничеству. Его можно измерять уровнем доверия, коррупцией, социальной активностью, развитостью неформальных связей, количеством знакомых, друзей, членством в разных организациях (...) На определенном уровне зажиточности человеческий капитал перестает играть роль — важным становится капитал общественный. Начиная с 2000 г. этот уровень находится где-то между 8 и 10 тыс. долларов ВВП на душу населения. У нас сейчас он составляет около 7 тысяч. Когда мы перейдем эту отметку, ключом к дальнейшему росту будет уже не то, что каждый носит в себе (образование, здоровье, индивидуальная подготовка), а то, что существует между нами. Слабость общественных связей — недоверие, коррупция, nepotизм, отсутствие неофициальных контактов, замкнутость в своих маленьких мирах — превратится в тормоз необычайной силы. У поляка, который не доверяет никому, кроме семьи, есть на то причины: те, кому он не доверяет, не доверяют ему. В такой атмосфере общие действия не могут быть эффективны (...) Польша — это страна с одним из самых низких общественных капиталов в мире (...) За 20 лет, в течение которых в Польше исследовался общественный капитал, мы не продвинулись ни на шаг”. («Политика», 18 апр.)

- Ежи Нойман, адвокат: „Уволена [ведущая Польского телевидения] Ханна Лис. Как должна была поступить Ханна Лис, когда ей дали заведомо незаконное распоряжение пустить в эфир объективно ложную информацию? (...) На государственные СМИ возложена миссия (...) Выпускать в эфир ложь — это измена миссии (...) Журналисты не должны стоять перед столь драматическим нравственным выбором (...) Намного более эффективную защиту от патологий дает правильный подбор людей, а не буква закона (...) Разве законодательство виновато в том, что общественной и государственной жизнью все чаще управляют личности, которые ни за что не должны были оказаться на занимаемых ими должностях?” («Газета wyborча», 2-3 мая)

- „Канцелярия президента закупает доски, гвозди и металлическую сетку, из которых должны быть сооружены три тысячи курятников для грузинских беженцев из Южной Осетии. «Грузинское правительство построило для них дома, а к нам обратилось за помощью в сооружении курятников», — говорит Малгожата Госевская из канцелярии президента”. («Впрост», 3 мая)
- „Согласно опросу ЦИОМа, президента Леха Качинского хвалят 23% поляков, а критикуют 68% (...) Хуже всего о Качинском (хоть он и профессор) думают люди с высшим образованием”. («Газета wyborcza», 16 апр.)
- „До президентских выборов остался год. Согласно опросу Института Номо Номини, сегодня 30% избирателей собираются поддержать кандидатуру Дональда Туска, 16% — Леха Качинского, а 14% — Владимира Цимошевича”. («Жечпосполита», 11 мая)
- „«Это был хороший день для польско-российских отношений», — сказал министр иностранных дел Радослав Сикорский о своем визите в Москву (...) «Обе стороны стремятся к улучшению взаимоотношений, — заверил Сергей Лавров. — В целом мы удовлетворены тем, что, несмотря на сохраняющиеся во многом субъективные трудности, правительство Туска проводит линию на преодоление перекосов в наших отношениях»”. («Жечпосполита», 7 мая)
- „Помимо деклараций о хозяйственном обмене и энергетическом сотрудничестве, Лавров сообщил также о возобновлении фестиваля русской песни в Зеленой-Гуре. «Это показывает, как важен был этот визит», — улыбается Дмитрий Бабич”. («Польска», 7 мая)
- „Российские СМИ: осквернено кладбище советских солдат. «Сгорело несколько венков — вероятно, они занялись от свечей», — объясняет варшавская городская стража”. («Жечпосполита», 11 мая)
- „Российский МИД протестует против «осквернения кладбища советских солдат в Варшаве» (...) Заявление министерство опубликовало на своем сайте. (...) «Это не был какой-то особо сильный пожар, — сообщила пресс-служба варшавского отделения пожарной охраны. — На двух квадратных метрах сгорело полтора десятка венков. Тушение длилось меньше получаса. С этим справился один пожарный. Серьезных повреждений не зафиксировано. Нет причин подозревать и умышленный поджог”. («Газета wyborcza», 12 мая)
- „Только за первый квартал экспорт в Россию сократился на 40%. Новые, более высокие налоги ограничивают его еще сильнее”. («Дзенник», 11 мая)
- „Двух российских дипломатов попросили покинуть Польшу. По требованию Варшавы из Польши уехали представители военного атташе, а Москва в ответ выслала двух польских дипломатов, — сообщило агентство Интерфакс, уточняя, что инцидент имел место в конце прошлого года”. («Тыгодник повсехный», 10 мая)
- „По данным польской Службы военной контрразведки, Алексей К. и Сергей П., два заместителя военного атташе посольства Российской Федерации в Варшаве, создавали у нас сеть платных информаторов, вербовавшихся среди офицеров польской армии (...) Один из офицеров сообщил об этом СВК и был использован в игре с россиянами, создавая видимость сотрудничества”. («Газета wyborcza», 7 мая)
- „В Варшаве есть несколько тайных, обнаруженных много лет спустя тюрем НКВД (...) На ул. Сверща, 2, в вилле «Ясный дом», содержались, в частности, ротмистр Витольд Пилецкий и генерал Эмиль Фильдорф (...) Застенки НКВД будут взяты под охрану воеводским инспектором по охране памятников культуры. Среди первых в реестр исторических памятников попадут тюрьмы на ул. Сверща, 2 и на Стшелецкой, 8, а также на ул. 11 ноября 1968 года”. (Александр Пинкас, «Жечпосполита», 28 апр.)
- Адам Ротфельд: „Согласие в группе по трудным вопросам зависит от визита Путина (...) Российские ученые, входящие в состав группы, руководствуются профессионализмом и известны своей добросовестностью и честностью в этом исключительно болезненном вопросе [катынского преступления]. Мы составили список из 14 трудных проблем. Среди них польско-советская война, вопрос о советских военнопленных, содержащихся в начале 1920 х в нашей стране, репрессии против польского населения в СССР в начале 1930 х, отношение к Коминтерну, нападение Красной армии на Польшу [17 сентября 1939]. Есть и вопросы периода ПНР. Однако важнее всего Катынь. Без выяснения всех фактов и обстоятельств и без предоставления польской стороне документов, касающихся этого преступления, мы не продвинемся дальше (...) Самое главное — что россияне всё еще готовы разговаривать. 26 мая в Варшаве самые знаменитые историки будут говорить о причинах II Мировой войны. На следующий день в Кракове встречается наша группа”. («Дзенник», 15 апр.)

- „15 лет спустя Легница снова привлекла внимание россиян. На этот раз речь идет не о размещении в городе 50 тысячного военного гарнизона, а об экскурсии и культурном опыте. Благодаря фильму «Малая Россия» Вальдемара Кшистека россияне вспомнили, что в Нижней Силезии есть город, который для многих был самым важным в Центральной Европе (...) Фильм рассказывает о трагической любви жены русского военного к польскому офицеру. Действие происходит в Легнице и основано на подлинных событиях. Ежегодно в день поминовения усопших легничане возлагают цветы и зажигают свечи на могиле Лидии Новиковой, которая предпочла самоубийство разлуке с любимым”. (Томаш Возняк, «Польска», 29 апр.)
- Владимир Гринин, посол России в Польше: „Я мечтаю о создании специальной межправительственной структуры по сотрудничеству польской и российской молодежи по примеру контактов, налаженных между польской и немецкой или французской и немецкой молодежью (...) Международный статус Польши укрепляется, что естественным образом повышает нашу заинтересованность контактами с вашей страной (...) Необходимо объединять европейскую цивилизацию, к которой я отношу континентальную Европу, Россию и Соединённые Штаты”. («Пшеглэнд», 10 мая)
- „Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, Вислава Шимборская, три бывших председателя Конституционного суда — Ежи Стемпень, Марек Сафьян и Анджей Цолль, а также Адам Михник подписали международное обращение с призывом отменить смертные приговоры участникам восстания за независимость в Тибете, вынесенные судами КНР”. («Газета wyborcza», 24 апр.)
- Польша решила бойкотировать конференцию ООН по расизму. Причина — заявление президента Ирана, назвавшего Израиль расистским режимом. Польский евродепутат, бывший премьер-министр Ежи Бузек: „МИД принял правильное решение (...) Когда мы защищали права человека в Чечне, то тоже вызвали недовольство России, как теперь мусульманского мира. И всё-таки хорошо, что мы нашли в себе смелость это делать (...) Исторический опыт возлагает на Польшу обязанность занимать такую позицию. Это принципиальные вопросы, за которые мы боремся из поколения в поколение”. («Дзенник», 21 апр.)
- „Несколько тысяч человек собрались вчера в полдень перед памятником Героям гетто, чтобы почтить память участников еврейского восстания, начавшегося 66 лет назад. Делегации канцелярии президента, правительства, властей Варшавы, посольства Израиля и ветеранских организаций под барабанный бой возложили к памятнику венки. Лишь после них к монументу подошел Марек Эдельман, последний оставшийся в живых руководитель восстания в варшавском гетто (...) Восстание вспыхнуло 19 апреля 1943 года (...) В борьбу включились около 800 повстанцев из Еврейской боевой организации и Еврейского военного союза (...) Бои в гетто продолжались до 16 мая. Их символическим концом стал взрыв Большой синагоги. По немецким данным, погибло около 7 тыс. евреев, а 6 тысяч погибли в пожарах и под развалинами домов. Еще 50 тысяч были вывезены в лагерь смерти”. («Газета wyborcza», 20 апр.)
- „Краковский Ягеллонский университет (старейший в Польше) присвоил Мареку Эдельману титул почетного доктора за «защиту непреходящих ценностей — добра, правды и свободы, а также за возвращение веры в способности и силы человека». Университет отдал должное и его научным достижениям в области кардиологии и рака груди”. («Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая)
- „Американцы почтили память Ирены Сендлер (...) В воскресенье на канале Си-Би-Эс пройдет премьера американского фильма «Miss Irena's Children» режиссера Кента Харрисона — о польской сотруднице соцобеспечения, спасшей 2,5 тыс. еврейских детей из варшавского гетто”. («Жечпосполита», 18-19 апр.)
- „Торжества по случаю 200 летия со дня смерти полковника Берко Йоселевича организовал в Польше посол Франции Франсуа Барри Лоншан (...) Во время восстания Костюшко происходящий из еврейской семьи торговцев лошадьми Берко Йоселевич (...) создал еврейский легион (...) Потом он сражался во французской армии под Аустерлицем, а также участвовал в кампании 1807 года. Погиб 8 мая 1809 г. под Коцком в кавалерийской атаке на австрийских гусар. Йоселевич был кавалером польского ордена «Virtuti Militari» и французского ордена Почетного легиона”. («Газета wyborcza», 21 апр.)
- „Молодые евреи прошли от ворот бывшего лагеря Аушвиц I до Аушвица II-Биркенау. «Марш живых» в память о миллионах евреев, убитых немецкими нацистами во время II Мировой войны, прошел в 18 й раз. В нем участвовали 7 тыс. молодых людей, в т.ч. 1 тыс. поляков”. («Жечпосполита», 22 апр.)
- „«Молодые израильтяне не совсем понимают, почему в Польше они должны находиться под вооруженной охраной. Значит, с ними может что-то случиться? Их инструктируют, что нельзя выходить на улицу в футболках с еврейскими буквами и говорить на своем языке в публичных местах», — говорит Яцек Олейник из Музея истории польских евреев, организатора встреч ровесников из Израиля и Польши”. («Газета wyborcza», 16 апр.)

- „Результаты опроса, проведенного Центром исследования Катастрофы Ягеллонского университета (...) Мнение, что евреи якобы имеют слишком большое влияние на то, что происходит в Польше, встречается всё реже. Под ним подписываются 15% 18-летних поляков, а еще десять лет назад речь шла о трети респондентов. Лишь 8% опрошенных согласны с утверждением, что многие польские политики имеют еврейское происхождение (...) 55% молодых, то есть на 33% больше, чем в 1998 г., не считают, что меньшинства могут приносить вред Польше (...) Однако некоторые ответы озадачивают. 15% 18 летних согласны с утверждением, что на современных евреях лежит вина за смерть Христа на кресте. Десять лет назад таких было лишь 8,5%”. («Жечпосполита», 16 апр.)
- „Польские цыгане — одно из самых дискриминируемых в ЕС меньшинств, считает Европейское агентство по защите основополагающих прав (...) 48% польских цыган считают, что в течение последнего года столкнулись с дискриминацией. 70% из них уверены, что расовая дискриминация в Польше повсеместна. 28% утверждают, что стали жертвой нападения или угроз на расовой почве. 53% — что, опасаясь дискриминации, они избегают некоторых мест”. («Газета wyborcza», 23 апр.)
- „10 марта в белостокской торговой галерее «Бяла» трое мужчин среди бела дня напали на шведку кубинского происхождения, студентку местного Медицинского университета. Причиной оказался цвет кожи — более темный, чем у среднего жителя Белостока (...) Это произошло на глазах у всех и перед камерой наблюдения галереи — при полном равнодушии покупателей, продавцов и охраны”. («Газета wyborcza», 18-19 апр.)
- „Белостокский суд арестовал на месяц 17 летнего подростка, которого подозревают в избиении чернокожего гражданина Франции (...) В четверг они с группой приятелей напали на остановке на 34 летнего француза и стали его избивать”. («Жечпосполита», 4 мая)
- Михаэль Шудрих, главный раввин Польши: „Всегда есть какие-то отщепенцы, ненавидящие евреев, негров (...) Общественная проблема — не столько само по себе такое поведение, сколько ситуация, когда зло не уравнивается добром. Когда один человек говорит что-то недостойное, а другие молчат”. («Газета wyborcza», 9-10 мая)
- „Начиная с 2007 г. Европейский суд по правам человека вынес семь приговоров, в которых констатируется нарушение прав человека в ходе люстрационных процессов”. («Пшеглэнд», 10 мая)
- „Директор варшавского зоопарка Анджей Крушевич защищает слона Нино, которого депутат от ПиС Михал Гжесь обвинил в гомосексуализме (...) В пятницу в познанском зоопарке на открытии нового современного слоновника Крушевич публично объявит, что слон Нино — не гей. «Надеюсь, что тогда депутат ПиС отстанет от животного», — говорит Крушевич”. («Дзенник», 23 апр.)
- „До 2014 г. во всех странах ЕС на всех продовольственных продуктах вводятся этикетки, информирующие о том, что до привоза на бойню животное содержалось в гуманных условиях (...) На нашем рынке уже имеются яйца, помеченные в соответствии с условиями разведения кур. Покупая, мы можем выбрать яйца кур, разводимых в более гуманных условиях. Яйца №0 — из экологических хозяйств, №1 означает, что куры ходят на открытом пространстве, №2 — что их содержат в закрытом помещении, №3 — что они живут в клетках”. («Впрост», 17 мая)
- „На Хельском полуострове 24-летний житель Ястарни утонул в Балтийском море, пытаясь спасти свою собаку”. («Дзенник», 24 апр.)
- „С 90-х годов популяция стрижей уменьшается, а главная причина этого — ремонтные и термоизоляционные работы (...) В Варшаве организации по охране птиц добились того, что для получения кредита на подобные инвестиции инвестор обязан предоставить экспертизу орнитолога. Однако выполнение его рекомендаций уже никого не интересует (...) В Варшаве истреблены огромные поселения стрижей в спальных микрорайонах в Стегнах, Урсынове, Садыбе, Чернякове, Таргувеке. Сигналы об уничтожении мест их гнездования поступают со всей Польши”. (Иоанна Подгурская, «Политика», 25 апр.)
- „Когда стрижи возвращаются в Польшу, они пытаются попасть в свои старые гнезда — бывает, целыми днями висят, прицепившись к тем местам, где когда-то были их гнезда. Иногда самок с птенцами замуровывают, обрекая на медленную смерть. Ведь стрижи устойчивы к голоду, они могут прожить без еды не несколько дней, как другие птицы, а несколько недель. Анджей Крушевич утверждает, что они умирают до 7 недель”. (Адам Вайрак, «Газета wyborcza», 12 мая)
- „По всей Польше началось весеннее выжигание травы — один из самых глупых и жестоких польских обычаев. От поджогов, которым нет никакого хозяйственного оправдания, на лугах гибнут тысячи животных (...) Известно,

что потери огромны. Зайцам, ежам, множеству птиц, ящериц, змей, косуль не удастся спастись при пожаре, температура которого достигает нескольких сотен градусов (...) Лишь в 2008 г. зафиксировано 102 пожара леса, занявшегося от сельскохозяйственных угодий. Сгорело 65 гектаров леса”. (Якуб Хелминский, «Дзенник», 14 апр.)

- „Почти по всей Польше в лесах введен третий уровень пожароопасности. В леса позволено входить исключительно лесникам. За нарушение запрета грозит штраф до 500 злотых. Только за последний месяц в польских лесах вспыхнуло более 600 пожаров”. («Дзенник», 2-3 мая)

- „На территории Мазовии (...) расположено 184 тыс. гектаров государственных лесов (...) В прошлом году в них собрано около 7 тыс. тонн мусора. Его вывоз и утилизация обошлись в 1,2 млн. злотых. В прошлом году только в одной Варшаве на уборку 7 тыс. гектаров леса город потратил 500 тыс. злотых. А в этом году сумма достигнет 800 тысяч. Строительно-ремонтные предприятия вывозят в леса строительный щебень, обломки блоков, банки из-под краски, остатки арматуры. Обычные граждане, не желая платить за вывоз мусора, выбрасывают в лес целые багажники пакетов с мусором (...) Каждый хозяин квартиры или дома обязан подписать договор с мусороуборочным предприятием (...) Таких договоров не имеют около 20% владельцев варшавской недвижимости, то есть более 19 тыс. домов и квартир (...) Они не подписывают договоров, вывозят мусор в лес, и их за это не преследуют и не наказывают”. (Доминика Ольшевская, «Газета wyborcza», 8 мая)

- „Квадроциклы заполонили Польшу (...) Они стали общедоступными. Сегодня их модно дарить на первое причастие (...) Сигналы о причиненных ими разрушениях приходят со всей Польши (...) Прокат «Mr. Quad», нимало не смущаясь, рекламирует свои машины как «потрясающий способ проникновения в недоступные уголки дикой природы» (...) В келецких лесах только за одни выходные были убиты три лося (...) Лесничий Роман Врублевский: «Их в наших лесах жило, ну, может, с десятков. Три — это огромная потеря. Квадроциклисты — это сумасшедшие». (...) Особенный вред они причиняют ландшафтному парку на Вислинской косе. Дюнная растительность — вещь очень нежная (...) Настроение лесников можно описать как смесь ярости и беспомощности (...) Машины постоянно разъезжают по вислинским заливным лугам. Уничтожают противопожарные валы, въезжают на песчаные отмели, где гнездятся многие виды охраняемых птиц. Это территории, охваченные общеевропейской программой «Натура-2000», а также заповедники”. (Юлиуш Цвелюх, Иоанна Подгурская, «Политика», 16 мая)

- Лешек Бздзиль, режиссер, актер, хореограф, танцор, основатель одного из театров: „Природа меня не интересует. Я мог бы на нее не выезжать (...) Я родился в центре Вроцлава. Детство провел во дворе, где росло одно дерево; вокруг брусчатка, кирпичные дома. Город — вот моя естественная среда”. («Газета wyborcza», 25-26 апр.)

3: ДАТЬ РОССИИ ШАНС

Я недавно разговаривал с двумя русскими — оба они решительно в оппозиции к властям в Кремле, но, несмотря на это, очень по-разному смотрят на сегодняшнюю Россию. Первый — это известный правозащитник Лев Пономарев, избитый на прошлой неделе в Москве. Его можно встретить на любом антипутинском митинге. Он протестовал против войны в Чечне, против репрессий в отношении нефтяного короля Михаила Ходорковского, требовал отыскать убийц журналистки Анны Политковской. В прошлом году осмелился протестовать против российской агрессии в Грузии, постоянно протестует против вытеснения оппозиции из политики, затыкания рта прессе и запретов на уличные демонстрации демократов.

В последнее время Пономарев ведет кампанию под лозунгом «Нет концентрационным лагерям в Европе!» — за улучшение ситуации в российских тюрьмах и исправительных колониях. Фотографии, свидетельствующие о страшном положении в российских тюрьмах, говорят сами за себя. Но это одна сторона медали. Потому что при этом Пономарев говорит о России то, что необычайно интересно и неоднозначно: «В России уже нет тоталитаризма, а лишь авторитаризм, да и то довольно мягкий».

Разные России

Всё зависит от региона, конкретного губернатора, начальника тюрьмы, начальника милиции. Есть гуманные, старающиеся что-то исправить, а есть такие, кто ведет себя хуже, чем во времена Брежнева.

Пономарев признаёт, что нет общей закономерности, что не везде плохо. Есть регионы, в которых удастся разговаривать с властью.

Вот такая Россия. Словно одна и та же, но разная. В конце концов, это самая большая страна в мире. Смотреть на нее сквозь призму почти что западной Москвы и Петербурга — это ошибка. А с другой стороны, Россия — это не только ущемление прав человека в Чечне и телевидение, целиком подчиненное Кремлю.

Соратница Пономарева Татьяна Рудакова рассказывает, что власти в некоторых регионах даже благосклонно смотрят на деятельность правозащитников. Часто они не могут официально помочь, чтобы не конфликтовать с местным начальством милиции, прокуратуры или ФСБ, но хотя бы не мешают. То есть в российском монолите путинизма есть дыры, и довольно большие. Проблема в том, что иногда их трудно заметить, а чаще мы, пожалуй, просто не хотим их видеть. «Правозащитники в определенном смысле стали частью этой системы. Власть начала нас терпеть, принимать наше существование, но это не значит, что она нас слушает или тем более считается с тем, что мы говорим», — говорит Пономарев.

Ничего здесь не меняется?

Мой второй собеседник — это Виктор Суворов, живущий ныне в Великобритании, автор популярных исторических книг, когда-то резидент советской военной разведки ГРУ в Женеве, который в 70-е годы перешел на сторону Запада. Он утверждает, что Медведев ничего не может сделать, потому что сознательно согласился с ролью марионетки в окружении Путина. «По правде говоря, за это я еще меньше уважаю Медведева, чем Путина, — говорит Суворов. — Путин сформирован КГБ и не может быть другим. А Медведев — интеллигентный, образованный, видел мир, но при этом осознанно принял роль куклы».

Вместе с тем Суворов считает, что агрессивная, националистическая риторика Кремля и части российской элиты — это блеф. На самом деле их интересуют деньги, вывоз капитала на Запад, размещение нажитого в безопасном месте, вне досягаемости российской казны или ФСБ, обучение детей в престижных западных школах — словом, обустройство собственной жизни. «Я не верю в угрозу новой гонки вооружений, потому что деньги, идущие в России на вооружение, где-то исчезают, — говорит Суворов. — Наши олигархи покупают зарубежные футбольные клубы, яхты, виллы, но не построили ни одного моста, больницы или кусочка дороги в России. Наша элита действует не как патриоты, а как колонизаторы. С такой ментальностью нельзя вести гонку вооружений».

С одной стороны, это правда. Самый крупный филантроп из российских олигархов, Михаил Ходорковский, уже шесть лет сидит в тюрьме. Он поддерживал не то, что власти считали приоритетным. А с другой стороны, русская угроза реальна, ведь прошлогодняя война с Грузией не была фиктивной. В ней не применялось, возможно, суперсовременное оружие, это не был шедевр военного искусства, но при всем при том Россия первый раз после распада СССР решила использовать армию за пределами своих границ. Поэтому Суворов считает, что попытки диалога Запада с Россией — это как разговор мышки с кошкой: рано или поздно кошка набросится и сожрет мышку, ибо такова кошачья природа.

Не так страшна Россия

Вопрос, чью точку зрения принять. Пономарева, видящего ситуацию во всей сложности, или Суворова, ставящего однозначный, простой диагноз. Польскому мироощущению ближе взгляд Суворова. Может, мы уже и не боимся России как агрессора, который непосредственно на нашу страну нападет, но опасаемся ее — и по историческому опыту имеем к тому основания. Война в Грузии, интернет-атака на Эстонию, когда там демонтировали памятник советскому солдату в Таллинне, или недавняя газовая война с Украиной показывают, что поводы для опасений существуют, а наши фобии — это не навязчивая идея.

Есть ли по ту сторону нечто, что успокоит наши страхи, продемонстрировав, что сегодняшняя Россия качественно другая, чем во времена Брежнева, Андропова или даже раннего Горбачева? Есть ли нечто, что можно признать очевидным успехом российских перемен после 1991 года?

По-моему, это «нечто» — российский стиль жизни. Русские могут сегодня (т.е. приблизительно со времени краха СССР), в первый, пожалуй, раз в истории, сами формировать свою частную жизнь. Государство перестало навязывать, каким ты должен быть, какие иметь взгляды, какие ценности исповедовать. Конечно, если ты хочешь сделать карьеру государственного чиновника, здесь все далеко не так. Но даже если ты государственный служащий, то в частной жизни полностью свободен. Нам это может показаться смешным, потому что даже в условиях ПНР можно было позволить себе определенную свободу духа, внутреннюю эмиграцию, частичную интеллектуальную или моральную свободу. В советской России не то чтобы это было совершенно невозможно, но несказанно труднее, чем в коммунистической Польше.

Высокий рейтинг команды Путина и Медведева вовсе не обеспечен тем, что русские органически не способны к демократии, как утверждает часть польских и не только польских исследователей с Ричардом Пайпсом во главе. В самой России, самым русскими, последние десятилетия видятся как период относительной стабильности, процветания, сопряженный с чувством безопасности, возрождением национальной гордости, уязвленной распадом СССР. Одновременно сохраняется невероятно широкое — во всяком случае, с точки зрения среднего гражданина — поле свободы, какой не знали, как минимум, несколько поколений. Для русских то, что произошло после 1991 г., — это действительно революционное изменение, и этого не затмевает регресс прав и свобод в период правления Путина. Важно, что можно иметь заграничный паспорт, дающий возможность ездить по всему миру, если только есть деньги, что можно безнаказанно обогащаться и открыто тратиться, вполне легально повышать свой материальный уровень. Что места, в которых можно предаваться блаженству потребительства и западного образа жизни, находятся уже не только за западной границей и на страницах запретных журналов, а рядом.

Когда в 2003 г. я стал корреспондентом «Газеты выборчей» в России, то, хотя часто раньше бывал в этой стране, все же очень опасался, что должен буду поменять стиль жизни, что буду делать покупки не в гипермаркетах, а на сермяжных базарах и в грязных магазинах, где сначала платишь в кассу, а потом получаешь покупки у прилавка (как это было в СССР), что буду отрезан от развлечений вроде кегельбана, похода в ресторан или просмотра более или менее нового западного фильма. Я боялся, что поездка в Россию, пускай сама по себе чрезвычайно интересная, лишит меня возможности проводить время так, как я привык в Польше в 90-е годы. Ничего подобного. В том и состоит русская революция последних двадцати лет, что из «киного мира», которым с любой точки зрения СССР был еще в 80-е годы минувшего века, русские попали в водоворот глобальной и рыночной массовой культуры. Ее можно назвать дешевой, возмущаться ее уравнилительной мелкотравчатостью, но в ней есть место и элитарности, индивидуализму, поиску самовыражения, что русские неустанно пробуют делать. Этот процесс затронул уже не только Москву и Петербург, но и периферию — прежде всего, понятно, богатые регионы. 35 самых крупных российских городов, насчитывающих свыше миллиона жителей, более напоминают Запад, чем прежний советский Восток. Русская политика и ментальность заметно отстают от изменившегося стиля жизни, но все же есть надежда, что это когда-нибудь изменится. И это не только мое личное суждение. «России нужно время. Это бредни, что мы не способны к демократии. Просто это продлится дольше. Может, 15, 20, а может, и 25 лет», — объяснял мне когда-то Григорий Явлинский, бывший лидер либеральной партии «Яблоко».

Бывший советник премьера России, известный экономист Михаил Делягин восхищался в конце 90-х китайской моделью развития. Он убеждал, что это намного лучше для России, чем либеральный капитализм. Так, впрочем, считала значительная часть российской элиты, восхищенная тем, что можно осуществлять хозяйственную трансформацию, не утрачивая власть и не меняя политических правил игры. Делягин отправился по гранту в Китай. По возвращении я спросил его, восхищается ли он по-прежнему китайской моделью. «У нас это не пройдет», — услышал я в ответ. — «Почему?» — «Наше общество не такое, как китайское», — ответил Делягин.

Можно считать, что по сравнению с нами и с западным миром русские иначе ведут себя по отношению к государству, они более покорны, менее смелы. Но им далеко и до обществ, готовых принять «казарменный капитализм», как китайцы или корейцы. И мы должны это учесть. Есть шанс, что западный образ жизни быстрее изменит сознание и потребности русских, чем китайцев.

А заявления, что только мировой хозяйственный кризис изменит Россию, — это, как минимум, наивность. Конечно, кризис заставит смягчить риторику, но этого мало для реальных перемен, необходимо переосмысление целей. Оно произойдет только тогда, когда российская элита захочет решительно сделать ставку на Запад, потому что сочтет это выгодным. Давайте, умудренные ошибками 90-х годов, создадим такую ситуацию.

Открытая России — это не утопия

Поэтому меня и удивляет, что, когда новый президент США протягивает руку России и его в этом поддерживают французы, немцы и итальянцы, в Польше оживают страхи, что Запад в очередной раз нас предаст, что-то решит за нашей спиной, поступит с нашими интересами. Сегодня Запад — это и мы. Быть может, рождается шанс помочь России сделать выбор, на который она не может решиться со времен распада СССР. С точки зрения образа жизни она уже стала Западом. Скептики скажут, что им стали и мегаполисы в Китае, но это не влияет на демократизацию Среднего царства. Русских, однако, намного меньше, и Россия в большей мере укоренена в европейской культуре, чем Китай, что парадоксальным образом легко наблюдать, двигаясь к востоку от Москвы. Возможно, под воздействием жестов Обамы российские элиты после 20 лет реформ задумаются, выгодно ли им углубить изменения последних лет или остаться при видимости демократии и руководимом государством свободном рынке — в надежде, что через какое-то время снова вырастут цены на сырье. Правда, по прогнозам

экспертов, действительно вырастут, поэтому времени у нас не так много. Нефтяное Эльдorado снова позволит Москве ни с кем не считаться.

Россия, тесно сотрудничающая с США и Западом, не сможет оставаться такой, как сегодня, не сможет оставаться только видимостью демократии, не сможет вести себя так, как в прошлом году в Грузии или недавно на Украине. Россия, более тесно связанная с Западом, автоматически станет более дружественной к Польше и другим своим соседям. А если предложение Обамы будет отвергнуто или Россия не захочет вести честную игру, то Запад, в том числе и Польша, скорректирует свою политику. Мяч сегодня на половине русских. В наших долгосрочных интересах начать эту игру, а не высказывать опасения, когда игра еще не началась.

4: МОЯ ЛИЧНАЯ ПОЛЬША

— *Многие ли сегодня в Германии читают польскую литературу?*

— Мои переводы с польского на сегодняшний день разошлись в двух миллионах экземпляров. Для страны с 80 миллионным населением это не так много, но и не так уж мало. Немецкие поэты читают и цитируют польских авторов весьма часто и с большим уважением.

А польская поэзия в книжных магазинах Германии соседствует на полке с произведениями самых знаменитых немецких авторов.

— *В польской гимназии в Лодзи вас всё же больше, чем Гёте, формировал Мицкевич.*

— С немецкой литературой мне пришлось ближе знакомиться после войны. В гимназии у нас был немецкий язык, на немецком я разговаривал дома, с матерью, но мне казалось, что в то время я лучше владел польским. До сих пор не могу поверить, что, сдавая экзамен на аттестат зрелости, я писал о «Германе и Доротее» Гёте, да ещё по-немецки, — об этом можно узнать из моего аттестата зрелости, факсимиле которого я получил в 80 е годы из Лодзинского городского архива.

Сегодня я могу сказать, что вся моя жизнь складывается из литературных тем, которые я проходил ещё в школе.

— *В 1939 г. вы попали на трудовой фронт, затем в армию, а потом оказались в советском плену. Там вы и начали интересоваться русской литературой?*

— Когда я был «пациентом» лагерного лазарета, русская женщина-врач принесла мне почитать сборник стихов Лермонтова. Мне пришлось учить кириллицу, по ночам, буква за буквой. Я научился читать стихи, потом — их понимать, а потом я с ними подружился. В конце концов я начал их переводить: Лермонтова, Пушкина, Есенина.

— *В 1949 г. вы вернулись в Германию. Что тогда происходило с польской литературой в Германии?*

— Начало было трудным. У немцев было полно собственных проблем, а тут ещё примешивалось неприязненное отношение ко всему, что исходило с Востока. Такая позиция была в порядке вещей. Такое же отношение было и к нам, переселенцам, даже к членам собственных семей. Я переводил в свободное время, по необходимости малые формы — стихи, афоризмы. Прозы я избегал, она требовала больше времени.

— *Как вам удавалось получать польскую литературу после войны?*

— Вначале я искал своих ровесников — Бачинского, Гайцы, Ружевича. Книги мне присылали знакомые из Лондона или Парижа. На основании этого случайного выбора я сформировал собственную историю польской литературы.

Подобно Мицкевичу и Милошу я руководствовался тем, что если кому-то есть что сказать, он не должен концентрироваться на форме. Я не обращал внимания на то, к какой школе относится автор, является ли он представителем первого или второго авангарда, — меня интересовало, представляет ли стихотворение нравственную ценность и историческую правду.

Эпиграфом к своей автобиографии я взял строки об истине («А солнце Истины горит для всех равно /Различия племен не ведает оно». Пер. О.Румера). Это отрывок из стихотворения, которое студент Мицкевич написал своему учителю истории Иоахиму Лелевелю, по происхождению немцу.

Критика в Польше функционирует иначе, чем в Германии. В Польше самым важным считается поэт, особенно если он уже завоевал признание читателей. Для меня же важнее всего само произведение, его тема, послание, конструкция. Я нахожу стихотворение и вижу, что вряд ли его можно считать первоклассным, но в нем есть некие образы или обороты, которые по-немецки звучат чудесно, поэтому я его перевожу. В Польше такой мой подход часто критикуют. И, наверное, это понятно: великие поэты не любят, чтобы вокруг них крутились поэты калибром поменьше. В немецкой литературе бывает так, что посредственный поэт напишет одно хорошее стихотворение, но оно оказывается столь значительным, что потом из школьной программы попробуй его уберить.

Я издал, например, малую антологию лодзинских поэтов. В Польше их мало кто знает. А я нахожу у них великолепные строки.

— *А первые контакты с польской эмиграцией?*

— С Вежинским в Лондоне, с Милошем в Америке, с Бженковским в Париже — от них я получал «Культуру», «Вядомости» и другие издания — для меня они были важным источником информации. Много польских писателей, к счастью для меня, находилось в эмиграции, почти вся группа «Скамандр» была в Нью-Йорке и Лондоне.

Я познакомился с Тадеушем Новаковским из Лондона, позднее работавшим на радио «Свободная Европа» в Мюнхене. Уже тогда во мне прорастало это новое понятие: Европа. На открытии института в Дармштадте я сказал, что не государства для меня интересны, а народы: их прошлое, будущее и *conditio humana*.

— *Название своей первой антологии — «Урок тишины» — вы почерпнули из поэзии Тимотеуша Карновича, из его стихотворения о той минуте, когда трепет крыльев мотылька кажется слишком громким.*

— Название подчеркивает атмосферу послевоенной новой польской лирики и обращено к ее педагогическому значению. Урок — то, что учит чему-то, и тишина — необходимое после бури погружение в созерцание. Урок и тишина дают возможность для самоосознания и самопознания. Для поэзии Запада в послевоенные годы эта свежая струя воздуха с Востока была необходима.

— *Вы переводите произведения почти двухсот поэтов. Немцам вы открыли Милоша и Шимборскую, Вы дружите с Ружевичем, у вас даже был один и тот же учитель в гимназии. В чем секрет его столь выдающейся карьеры в Германии?*

— Он смог растрогать немцев. Крупнейшие поэты и прозаики буквально носили его на руках: Грасс, Энциенсбергер. После 1945 г. всех нас охватило ощущение, что хватит с нас патристического пафоса и лжи, выраженных в длинных и запутанных фразах. Ружевич всё поставил на ноги «провинциализма» простоты. Он положил начало современной лирике. Содержание, образ, никаких эпитетов, никаких орнаментальных излишеств, никакой музыки — искренность и истина должны были говорить прямо. Причем так, чтобы эти стройные, прямые высказывания — несмотря на лапидарность — были поэзией.

Немцы тогда начали слушать бывшего «врага». Заметили его стремление к примирению, к пониманию. Потом они начали читать и лирику военного времени, например Бачинского, научились воспринимать ее сердцем. Поначалу они опасались такого чтения, не читали произведений ни польских, ни русских авторов. Теперь же русские авторы пользуются в Германии большим спросом и польские тоже.

— *А Херберт?*

— Он совершенно другой. Это гуманист, который на основе прочитанных книг, путешествий и полученного образования переживал и описывал свое собственное повторение пройденного по истории Европы. Ружевич — поэт, пишущий о дне сегодняшнем, но прежде всего с перспективы военного лихолетья. Он открыл язык новый, язык одержимости, язык нравственности, а Херберт заново открывал для польского читателя понимание европейской культуры. Очищал то, что было оболгано, оказалось завалено руинами военных или идеологических катастроф.

— *Наряду с Милошем и Хербертом, наряду с высоким стилем, в польской поэзии XX века, есть и другая традиция: Бялошевский, Виршиа, потом Задура, Саммер, «Брульон» и многие из тех, кто пишет скорее в разговорном стиле.*

— Я переводил их всех. Проблема в том, что поэт, который находит у меня хотя бы одно из своих стихотворений, автоматически желает, чтобы их было больше. Но одному переводчику не справиться с подобной задачей. В

Польша слишком много поэтов способных, даже гениальных или многообещающих. Я надеюсь, что они найдут переводчиков среди своих ровесников.

— Применительно к польской литературе часто появляется понятие провинциальности. Что это, собственно, означает?

— Я искал польскую действительность в Кракове и Лодзи, в Силезии, на Мазурах и на Подолье, потому что самых крупных поэтов давала всё же провинция. Баден-Вюртемберг дал Шиллера, Гессен — Гёте, который еще в Веймаре говорил на диалекте, это видно по «Фаусту». Я бы культивировал именно такое значение провинции.

Теперь господствует мода, а не группы, программы, четкое мировоззрение. Мода быстро проходит. Так называемая трудная литература, содержательная, требующая подготовки, то есть труда, остается. Понятно, что без необходимого комментария иностранец не сможет понять «Дядю» или «Свадьбу». Но и нам без знания истории не понять исторические хроники Шекспира или трагедии Шиллера. А что касается «Будденброков» Томаса Манна, то это гениальный пример рассказа о «провинциальном» городе и обывателях Любека на рубеже XIX-XX веков.

Если исходить из контекста всей Европы в целом, то Польша — провинция, в этом смысле провинция и Германия, которая, впрочем, была когда-то мозаикой разных государств. Европейский патриотизм в будущем станет совершенно иным, нам надо лишь проявлять больше солидарности.

Полякам не следует стараться писать так, как пишут другие, как модно ныне писать на Западе или на Востоке. Польская действительность всегда была иной, поэтому для чужого читателя это всегда известие из «иног мира».

— В своих воспоминаниях вы цитируете «Дневники» Роберта Музиля, его слова о постоянстве и отваге в бою.

— Музиль спровоцировал меня на рассказ о том, что я пережил, но я отвечаю ему скорее негативно. Он находил удовольствие в воинственности, я же сторонюсь воен.

— Вы пишете, что государственность, Европа, Германия или Польша — это для вас, жившего в Лодзи, городе многих культур, было второстепенным. Своего рода «наивность», которая не позволила вам заметить перемены, ведущие к войне. Томас Манн писал о такой «наивности», что она много раз его спасала.

— Мои школьные друзья, которых не интересовали музыка, искусство, поэзия, зато интересовали история и точные науки, которые не ошибались при перечислении дат, властителей и их достижений, прекрасно ориентировались в политике — они вместо стихов читали газеты. Я газет почти не читал, зато стихи — с энтузиазмом. Я пытался даже их переводить, играл на скрипке — этими занятиями тогдашний объем моих серых клеточек был заполнен полностью. Война всё это в некотором смысле изменила.

Вы говорите о наивности у Томаса Манна, а я, немец, сошлюсь на польскую писательницу. «Размышления аполитичного человека» Манн писал во время I Мировой войны, издал их в 1918 г., в возрасте 43 лет, когда он уже был нобелевским лауреатом, но по-прежнему, как он сам о себе говорил, оставался «аполитичным» и «наивным». В 1939 г. мне было 18 лет, и единственным моим стремлением было получить аттестат зрелости и пойти учиться в вуз — ничего особенного. Много позже я нашел утешение у Марии Кунцевич, которая в возрасте 48 лет написала воспоминания.

Я обратился к ней случайно. Ее мать была скрипачкой, а это как раз та мелочь, которая меня немедленно электризует. «Ключи» Марии Кунцевич — это исповедь о незнании истории. Родившись в Самаре при царском режиме, она получала образование в Польше, Нанси, Париже. До войны много путешествовала и была свидетелем многих громких политических афер, написала цикл репортажей о Палестине. Она была членом ПЕН-клуба, переводчиком отдела прессы МИДа, присутствовала на мирной конференции в Париже. Несмотря на это, она не сумела правильно оценить ситуацию в Европе. Сама она сравнивает себя с Алисой в Стране Чудес. В этой наивности людей зрелых, образованных и причастных к политике, я нахожу утешение и оправдание своей незрелости периода «бури и натиска».

— Вы не пытались с ней познакомиться?

— Я хотел с ней познакомиться. Я завидовал ей, этим ее, как сказал бы Гете, «годам странствий». Когда я добрался до Чикаго, где она вела занятия по польской литературе, ее там уже не было. Я обменялся с ней лишь

одним письмом. Зато перевел «Ключи».

Беседу вела Агата Пызик